

*Все события, описанные в книге, вымышленные,
а любые совпадения — случайны...*
От автора

Москва. Центр. Наши дни

видел его лишь издали и совершенно очарован. Вообразите себе скопище маленьких, разной высоты башенок, составляющих вместе куст, букет цветов; вернее, или, еще лучше, разноцветный кристалл, ярко сверкающий своими гладкими гранями в солнечных лучах, как бокал богемского или венецианского стекла, как расписной делфтский фаянс, как лаковый китайский ларец: это чешуйки золотых рыбок, змеиная кожа, расстеленная поверх бесформенной груды камней, головы драконов, шкура хамелеона, сокровища алтарей, ризы священников; и все это увенчано переливчатыми, как шелка, спилями; в узких просветах между нарядными щеголеватыми башенками сияет сизая, розовая, лазурная кровля, такая же гладкая и сверкающая на солнце; эти пестрые ковры слепят глаза и чаруют воображение». — Вы уже, наверное, догадались, что же описывал известный французский путешественник девятнадцатого века маркиз Кюстин Астольф в своей книге «Россия

в тысяча восемьсот тридцать девятом году». Мы с вами сейчас находимся рядом с этим чудом света, чудом не только России, но и объектом международного исторического значения! Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, больше известный, как храм Василия Блаженного! — экскурсовод Елена Сеницкая заученным движением поправила шелковый шейный платок и продолжила свою лекцию.

Сеницкая обожала свою работу, о Москве и ее достопримечательностях она могла рассказывать часами, а если за это еще и платят деньги — так вообще работа-мечта. Только Елена терпеть не могла, когда ее не слушали или даже игнорировали.

Если не интересно, так зачем же согласились на экскурсию по храму?

Сеницкая уже несколько раз кидала гневные и вопросительные взгляды на высокого худого мужчину, который ну совершенно не хотел ее слушать. Он все время отвлекался, то принимался копаться в телефоне, в абсолютно простой и дешевой модели, то отходил от группы при прохождении церковью храма. Его часто приходилось ждать.

— Строительство храма Василия Блаженного велось с тысяча пятьсот пятьдесят пятого по тысяча пятьсот шестьдесят первый год. Собор объединяет одиннадцать церквей — приделов,

часть из которых освящена в честь святых, дни памяти которых пришлось на решающие бои за Казань, — уверенным профессиональным голосом продолжила Елена.

Она знала, что ее экскурсии интересны и поучительны, что после них туристы всегда благодарят со слезами на глазах, что многие возвращаются снова и снова, чтобы узнать незнакомую для них столицу и один из главных ее символов.

Елена Сеницкая всегда долго и кропотливо готовилась к каждой экскурсии, потому ее безумно раздражало поведение долговязого. Этот худой мужчина совсем не походил на обычных посетителей храма и любителей истории.

Сейчас группа Сеницкой состояла из девяти человек. Обычно больше десяти она и не брала никогда. Сложно держать большую аудиторию, да и церквушки внутри очень малы, большее количество людей и не протиснется.

Вот и сегодня было девять — две бодрые старушки-пенсионерки, жаждущие новых впечатлений, девчонка-студентка лет двадцати, неформалка с дредами, парень — типичный ботаник в очках, гости столицы: полненькая женщина лет сорока пяти с пятнадцатилетним сыном, который даже в церкви умудрялся из рюкзака лакомиться сэндвичем из фастфуда. Он думал, что Елена не видит этого. Но на него она уже несколько раз выразительно взгляну-

ла. Мужчина-пенсионер с военной выправкой и прямой спиной и вот этот худой и длинный.

У него был какой-то изможденный вид и бегающие глазки, которые, казалось, жили какой-то своей жизнью. Он все время сновал вдоль стен, и от его передвижений у Елены холодели ладони. Какой-то странный субъект!

Елена вела экскурсию по храму, но сама все время присматривалась к худому. От него почему-то веяло опасностью, а своим ощущениям Синицкая привыкла доверять.

— Собор Покрова Пресвятой Богородицы является таким же символом Москвы, как Нотр-Дам — символом Парижа.

— Ой, вы слышали, он же сгорел недавно, в прошлом году. Такой кошмар был, пожар страшный, мы по телевизору смотрели, — затрещала одна из старушек.

Елена различала их только по цвету седых кудряшек. У старушки номер один кудряшки были абсолютно белые, а старушка номер два красила свои волосы в светлый оттенок фиолетового.

Отмахнувшись от говорливой бабушки, Елена продолжила:

— Сейчас мы с вами находимся в одной из главных церквей собора — церкви Василия Блаженного. Над захоронением самого святого установлена арка, украшенная резной сенью — одна из наиболее почитаемых московских свя-

тынь. Рака святого в этой части была разрушена в Смутное время, однако сохранился лежащий на ней покров с шитым образом Василия Блаженного, изготовленный в мастерских Ирины Годуновой и выполненный из атласа и шелка золотыми нитями, что способствовало...

— А что, здесь реально гроб святого Василия? И он реально здесь лежит? — грубый и глухой голос раздался рядом.

От неожиданности Елена вздрогнула, она не навидела, когда ее перебивают, но не ответить худому, а это именно он спросил, она не могла.

Неужели он заинтересовался экскурсией? Не поздновато ли?

— Да, здесь, реально, — на последнем слове Синицкая сделала ударение, — здесь реально похоронен святой Василий Блаженный, также известный как уродивый Василий Нагой — один из покровителей Москвы.

— Уродивый! Ха-ха, — захихикал пухлый малолетний любитель фастфуда, — Мама, прикинь, она сказала «уродивый».

— Не уродивый, а юродивый. Василий Блаженный — легендарный московский юродивый. Святой чудотворец, обладавший даром прозрения. А юродство — это такой христианский подвиг, заключающийся в намеренном стремлении казаться безумным. Юродивый Василий ходил по Москве абсолютно голый, даже в лютые мо-

розы. Потому у него и есть второе имя Василий Нагой. Он прославился многими чудесами...

Экскурсия плавно перетекла в следующий зал, Сеницкая чувствовала аудиторию, рассказывала о красивейших древних иконах храма.

— Советский и российский филолог, академик Дмитрий Лихачев высказывал мнение о том, что собор оказался своего рода символом русского характера: «Храмина-домина вроде бы огромна, широка, размашиста, а войдешь внутрь — так и помолиться-то особенно негде, малы и тесны клетушки-церквушки».

Только в этот момент Елена заметила, что художого и долговязого она не видит в своей группе. Куда же он делся и где он отстал? Она видела его в последний раз у захоронения святого Василия. Где же он теперь?

Елена отвечает за группу, за каждого из ее членов, какими бы странными и неприятными типами они ни были.

Сеницкая принялась оглядывать зал, где они сейчас расположились.

Ну да, все, кроме художого, здесь, на месте.

В этот момент ее лекцию все же перебили. Раздался жуткий протяжный звериный крик, от которого кровь застыла в жилах.

Причем крик шел со стороны церкви Василия Блаженного...

1552 год от Рождества Христова, или 7060 год
от сотворения мира. Где-то недалеко от Кремля.

На Алевизове рву

— Ванька! Ванька! Да где этот паршивец?
Сколько можно звать тебя, вот поймаю, за уши
оттаскаю, ишь чего задумал! Когда надо, никогда
нет рядом!

Крупный розовощекий детина тряс за плечи ма-
ленького семилетнего мальчишку.

— Вот ты и попался! Где ты шляешься? Кто
работать будет? Когда твоя вечно голодная мать
давала тебя мне во служение, как она залива-
лась соловьем, что ты и работающий, и шустрый,
и даже грамоте обучен! А когда надо, тебя вечно
нет на месте! — изгалялся детина, тряся щуплень-
кого мальчугана.

— Ну, дядя Прохор, я больше не буду! Я же на
секундочку, я же одним глазком посмотреть —
там наши войска вернулись из града Казанского!
Такие все красивые, статные, я только на се-
кундочку взглянул! — оправдывался мальчишка,
извиваясь, пытаясь спастись от огромных ручищ
мужика.

— А кто работать будет, я тебя спрашиваю?
Кто мне тут, на стройке, помогать будет? Или ты
думаешь, я сам должен песок таскать! Ух, я тебя!

— Ну, дядя Прохор!

Но гроза уже миновала, Ваня знал, что дядя Прохор хотя и сердит на вид, но вполне отходчив, и если не открутил уши сразу, то теперь можно его и заболтать, и ничего страшного уже не будет.

— Что там, воины вернулись из града Казанского? — почесав окладистую бороду, спросил Прохор.

— Ой, вернулись, сейчас от Варваринских ворот ехали! Красивые все! Ой, какие! Я бы тоже в служивые пошел! — с воодушевлением начал рассказывать Ваня.

— Куда ты пошел бы, сорванец?! Да я тебе сейчас точно уши откручу, а кто работать будет, если ты служить собрался? А ну иди сюда, иуда!

Но мальчишка понуро повесил голову и принялся набирать в огромный жбан песок.

— Ладно, Вань. Ты мне лучше скажи, что, действительно Казань взяли или народ брешет все? — спросил Прохор.

— Вот те крест, взяли. Точно взяли. Я сам лично в толпе слышал, как обсуждали осаду града Казанского. Теперь точно — Казань наша. Бают, что царь-батюшка Иван Васильевич, многие лета царю, присоединил Казанское княжество к Московскому.

— Многие лета царю. А татары местные чаво?

— А чаво? Кто перебит, кто в полон взят, а кто теперь и в истинно христианскую веру перейдет, — откинул светлый чуб со лба грязной ладошкой мальчишка.

— Да уж. Вот чудо чудное! По такому поводу и в кабак можно сходить чарочку-другую пропустить, — Прохор мечтательно улыбнулся в бороду, уже представляя, как терпкая и крепкая медовуха, которую гнал в соседнем кабаке старый прохиндей Пантелеич, уже плещется в его огромной кружке, а потом и в бездонном брюхе.

Но работы меньше не становится, до кабака еще нужно было доделать фундамент церкви, которую по приказу самого царя-батюшки нужно было воздвигнуть на этом самом месте.

А место-то проклятое, несмотря на близость к Кремлю, на рву происходят дурные дела. И шалят разбойники по ночам, скидывают в ров неугодных и зазевавшихся путников, а недавно рассказывали, что и чертовщина здесь появилась. Надо рвом стелется по утренней зорьке туман странный, а оттуда слышны крики и сатанинский хохот. Потому церковь здесь явно не помешает, может, дьявольские козни успокоит и лихих людей отпугнет?

— Надо свечки Киприану поставить, в день его памяти Казанский град взяли-таки! О-хо-хо, — жалобно застонал старый Никодим.

Он уже разменял пятый десяток, болячки всякие, хвори лихие преследовали рабочего, но лучшие его никто не мог церкви строить. За его спиной был колоссальный опыт в Новгороде, откуда он и был родом.